

ОБ ОДНОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2010 г.

Аннотация: анализируются взгляды широко известного русского публициста Д. В. Скрынченко в связи с процессом возникновения украинского сепаратизма и противостоявшего ему русского национализма в Юго-западном крае Российской империи. В центре внимания автора находится националистический нарратив, который складывался в это время на основе русско-польского соперничества в реализации своих национальных проектов.

Ключевые слова: русский национализм, украинский национализм, русская нация, украинцы, украинский сепаратизм, национальный вопрос в России, русская идентичность, украинская идентичность, история Украины, русско-польское соперничество, Россия как империя.

Abstract: *the article deals with the views of the well-known Russian publicist D. V. Skrynchenko in connection with the rise of ukrainian separatism and Russian nationalism which counteracted it in the South-western region of the Russian Empire. The author considers nationalistic narrative which took shape this time on the basis of Russian-polish rivalry in the achievement of their national projects.*

Key words: *russian nationalism, ukrainian nationalism, Russian nation, Ukrainians, ukrainian separatism, national question in Russia, Russian identity, ukrainian identity, history of Ukraine, Russian-polish rivalry, Russia as Empire.*

Обращение к истории русского национализма необходимо, невзирая на опасения, которые нередко высказывают сторонники «понимающего умолчания». На взгляд автора, исследовательское внимание к национализму несколько не подогревает экстремизм, равно как не питает экстремизм, наоборот – бесконечные разговоры об исторической неполноценности русских и даже вредности для них суверенного существования. К тому же в наши дни, как и сто лет назад, в общественном сознании господствует заложенная либеральными интеллигентами негативная политическая коннотация национализма, отчего в кругах либеральных он представляется явлением ретроградным¹. Между тем если исходить из

¹ Сущность национализма виделась «в таком переразвитии национальных чувств, при котором люди, целые группы людей, часто очень многочисленные, начинают переоценивать свою национальность, иногда и свою нацию и считают поэтому совершенно справедливыми всяческие для нее преимущества сравнительно с другими национальностями и другими нациями» (Большая энциклопедия. СПб., б.г. Т. 13. С. 713).

нейтрального определения, национализм² есть идеология и вытекающая из нее практика, главной ценностью которых является нация как единое целое, и не более того [1, с. 131].

Исследование русского национализма уже давно подошло к той черте, когда внимание должно быть сфокусировано на региональных деятелях, остающихся неизвестными даже специалистам. К таковым относится Дмитрий Васильевич Скрынченко (04.10.1874, с. Песковатка Бобровского уезда Воронежской губернии – 30.03.1947, Нови-Сад, Сербия)³. Он родился под Воронежем в семье псаломщика, получил образование в Воронежской духовной семинарии и в Казанской духовной академии. С 1901 г. Д. В. Скрынченко преподавал в Пермской духовной семинарии, а с 1903 по 1912 г. жил в Минске, где преподавал в Минской духовной семинарии и редактировал «Минские епархиальные ведомости» и «Минское слово». В 1912–1913 гг. учительствовал в гимназии в Житомире, а с 1913 по 1919 г. проживал в Киеве, преподавал в гимназии, сотрудничал в газетах «Киевлянин» и «Киев». В конце 1919 г. он эмигрировал на Балканы. В Югославии он преподавал в сербской гимназии и писал для русских и сербских газет.

Русский националистический дискурс был достаточно противоречив. Его внутреннюю противоречивость зафиксировал современный исследователь: «Строить нацию – значит разрушать империю. Ибо тем самым разрушается ее опора – имперская, надэтническая лояльность» [2, с. 110]. Поэтому со стороны государства отношение к самим националистам подчас было негативным. И не только потому, что империя не могла опираться только на русских. Дело в том, что националисты в конечном счете утверждали лояльность не государю, а нации. Последнюю они рассматривали как важнейший источник суверенитета и основания легитимности власти. Иными словами, содержанием политического тела, т.е. государства, они считали нацию, а формой – монархию, рассматривая последнюю как производную от православия и народности.

Д. В. Скрынченко полагал, что чувство национализма – естественное чувство, оно лежит в основе неравного положения наций в государстве,

² «Национализм – это политическая идеология, ... которая настаивает на том, что приоритет во всех делах государства должен принадлежать... нации – особым образом организованной совокупности граждан этого государства» (Холмогоров Е. Русский националист. М., 2006. С. 34–35).

³ См.: Колмаков В. Б. Дмитрий Васильевич Скрынченко : биографический очерк // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 2 (69); № 3 (70); *Его же*. Д. В. Скрынченко (1874–1947) – деятель церкви, историк и педагог // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11; *Его же*. Страница из истории православной антропологии // *Философия : история и современность*. Воронеж, 2008. Вып. 2. С. 78–109; *Скрынченко Д. В. Мои воспоминания* / публ. и предисл. В. Б. Колмакова и А. Н. Акиншина // Из истории Воронежского края : сб. статей. Воронеж, 2004. Вып. 13. С. 165–172; *Его же*. Минувшее и настоящее : избранная публицистика / сост., предисл. и прим. В. Б. Колмакова. Воронеж, 2009. Ч. 1–2; *Его же*. Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению / предисл. и коммент. В. Б. Колмакова. Изд. 2-е, доп. М., 2010.

которое ему представлялось так: «у себя в государстве мы желаем быть хозяевами, а не равными во *всех* отношениях с инородцами» [3]. Всякое иное положение титульной нации, как он считал, неизбежно приведет к распадению России. О формуле «Россия для русских» он писал: «Этим девизом мы желаем лишь снова найти свое историческое место в государстве, постепенно утерянное нами в течение последних 200 лет, и особенно в годы смуты <...> Хозяином в России, – добавлял он, – должен быть только русский народ» [3]. В то же время русский национализм содержал ряд принципов, направленных на смягчение противоречия «нация – империя». Это, во-первых, принцип исконного единства «славянского племени» и всех его ветвей. Во-вторых, принцип единства имперского пространства, согласно которому народы, проживавшие на территории империи, так или иначе, составляли единое органическое целое. В то же время этот принцип имманентно содержал идею неперемennого первенства русских и православия. Наконец, русский национализм содержал идею ответственности России за другие народы, входившие в состав империи.

Подобно многочисленным русским националистам начала XX в. Д. В. Скрынченко участвовал в формировании русского националистического дискурса. Национализм он понимал как выражение духа пришедшей к самосознанию русской нации. Не случайно слово самосознание встречается в его статьях достаточно часто. Эта позиция восходит к позиции славянофилов, которая, в свою очередь, подпитывалась от идеи «духа народа» Г. Гегеля. Д. В. Скрынченко переехал в Киев, когда в Юго-западном крае шел активный процесс формирования украинского национального мифа⁴. История его складывания такова. На территории Российской империи, а именно в Малороссии, возникло сепаратистское движение, опиравшееся на украинскую национальную идею⁵. В 40-х гг. XIX в. возникло понятие украинофильство, которое использовалось для обозначения этнографических тенденций в общественной мысли, связанных с пробуждением интереса к языку, истории и культуре малороссов⁶. Украинофилы считали, что понятие Украина – топоним, обозначающий окраинные земли Московского государства, и далее утверждения этнографической самобытности малороссов не шли. Подобные процессы становления региональных движений происходили во многих странах, но в России ситуация, возникшая на малороссийском культурном пространстве, отличалась тем, что украинофильство развивалось на фоне «острого русско-польского политического, культурного, а позднее – экономического

⁴ Национальный, или этнообразующий, миф содержит идеальные представления народа о себе как должном.

⁵ Термины «Украина», «украинец», «украинский» в XIX – начале XX в. имели не этнический, а политический характер, поэтому применительно ко времени до 1917 г. являются весьма условными.

⁶ Как вспоминал один из основателей украинофильства Н. И. Костомаров, оно «явилось стремлением некоторых малороссов писать на своем родном языке и вместе с тем изучать богатую сокровищницу народной поэзии» (*Костомаров Н. И. Украинофильство // Костомаров Н. И. Русские инородцы. М., 1996. С. 542*).

соперничества за влияние на пространство пограничья, которое поляки именовали кресами Речи Посполитой, а русские – Юго-западным краем Российской империи» [4, с. 29]. Польское культурное влияние было агрессивным и нарастающим. Известный специалист по украинскому вопросу И. В. Михутина отмечает, что только «присоединение к России приостановило процесс ополячивания культуры левобережья, католического и униатского давления в духовной сфере» [5, с. 11].

Потеряв в конце XVIII в. суверенное государство, поляки рассматривали Юго-западный край как временно утраченные территории и стремились утвердить в сознании западнорусского населения идею, что оно никогда не было русским. Для обоснования этой идеи они привлекли «на помощь один очень старый географический термин, общий как польскому, так и русскому языку. Термин этот – «украина» (с маленькой буквы в начале)» [6, с. 140]. Слово «украина» (украйна) первоначально обозначало пограничные, крайние земли и в качестве этнонима в русском языке не употреблялось. Классическим примером в этом смысле является начало повести И. С. Тургенева «Бригадир»⁷: «Читатель, знакомы ли тебе небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская украйна?».

Территории, которые поляки упорно называли Украиной, с точки зрения русских, имели первоначальное название Малороссия. Известно, что еще древние греки ввели в обиход именовать «малой» страной метрополию, а «великой» или «большой» – земли, которые были колонизированы [7, с. 7]. А. В. Стороженко полагал, что термины Великая и Малая Русь начали употреблять византийцы после разгрома Руси татарами в XIII в. [8, с. 281–282]. Поэтому у южнорусских территорий в пределах Польши появились два имени – Малая Русь – для русских и Украина (как приграничные земли) для поляков. Со времен Петра I понятие Малороссия стало официальным названием Левобережья, а Правобережье в дальнейшем стало именоваться Юго-западный край.

В 30-х гг. XIX в. русский историк Н. Г. Устрялов сформулировал идею большой (триединой) русской нации, состоящей из великороссов, малороссов и белорусов. Та же схема применялась для понимания русского языка, состоящего из трех наречий. В русском образованном обществе первой половины XIX в. Малороссия рассматривалась как интегральная часть России, имеющая при этом свои этнографические особенности. Мелодичные песни и забавный малороссийский фольклор воспринимались культурным Петербургом и Москвой как черты, отличающие южнорусский люд от населения северных губерний. Само собой разумелось, что литературным языком на юге России, как и на севере, считался русский. Так, в статье «Русские народные сказки» великий русский критик В. Г. Бе-

⁷ Украина, украйна – иная форма слова окраина (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. С. 156–157). Забавно, что в советских изданиях «Бригадира» украйна везде дана с заглавной буквы, что не может не вызывать недоуменных вопросов у читателя.

линский утверждал, что «литературным языком малороссиян должен быть язык их образованного общества – язык русский» [9, с. 330].

В 40-х гг. XIX в. в Малороссии возникли политические кружки, которые создавались под явным польским влиянием. В 1846 г. возникло подобие тайной организации – Кирилло-Мефодиевское общество. Среди его активных участников можно обнаружить молодых украинофилов В. Б. Антоновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченко. Программа общества среди прочего предусматривала освобождение «украинского» народа из-под русской власти. Кроме того, в программных документах общества содержалась идеализация прошлого Малороссии как земли вольной, а переход под власть Москвы рассматривался как начало неволи [10, с. 81–82]. Общество было быстро раскрыто и разгромлено, но оно положило начало так называемому украинству, которое ориентировалось уже на достижение единственной цели: отделить малороссов от России не только в культурном, но и в политическом смысле, сделать из них украинцев. Никто из лидеров украинства в дальнейшем от этой цели никогда не отказывался. Таким образом, украинство всегда было ни чем иным как сецессионизмом – идеологией этнически мотивированного сепаратизма [2, с. 17].

Второе дыхание украинство получило в 60-х – 70-х гг. XIX в. в виде идей М. П. Драгоманова, который под влиянием марксизма проповедовал социализм и утверждал, что украинская нация должна вернуться «в семью культурных европейских народов, в которую она входила до конца XVII в., пока... раздел Украины не подорвал ее силы, пока деспотическое Российское государство не провело труднопроходимой границы между огромным числом украинцев и Западной Европой и пока всеиссушающая государственная централизация не парализовала развитие украинских культурных центров» [11, с. 300]. Реакция со стороны властей на усиление украинства последовала в 1876 г., когда Александр II подписал указ о запрете издания книг на малорусском языке.

Запрещение «малорусского патриотизма» в Юго-западном крае привело к перемещению его адептов в австрийскую Галицию, где в начале 90-х гг. возник новый центр украинского движения, но теперь уже с политическими требованиями. Австрийские власти разрешили открыть в Галиции несколько украинских гимназий и кафедру истории Южной Руси во Львовском университете. В 1894 г. ее получил молодой историк М. С. Грушевский по рекомендации своего учителя В. Б. Антоновича, который в это время был профессором в Киевском университете. «Заслуга» М. С. Грушевского заключается в том, что он создал так называемую «украинскую историческую школу». Согласно его концепции племена южной группы восточных славян уже в древности были украинцами и обитали в среднем и нижнем течении Днепра, Западного Буга и Днестра [12, т. 2, с. 49]. Выделение самостоятельного украинского народа он относил к IV в. [13, с. 16]. Существовавшая до начала монголо-татарского ига «Киевская держава» была создана «украино-русской» (україно-руської) народностью, а Владимирско-Московская – великорусской. Затем в

XIV–XVI вв. земли «Киевской державы» были составной и чрезвычайно самобытной частью Польско-Литовского государства, причем М. С. Грушевский утверждал, что с присоединением Киева к Литве его политическое значение поднялось [14, с. 512]. Украинский этнос возник во времена Киевской Руси, затем он был подвергнут русификации (начиная с XVII в.) и, утратив независимость, почти потерял свою самобытность. В связи с присоединением к России Левобережья произошло постепенное обрусение местного населения [13, с. 303]. Лишь с середины XIX в. начинается возрождение украинского народа, выражающееся в постепенном культурном, а затем и политическом размежевании с Россией. Культурный подъем украинской жизни М. С. Грушевский связывал с переходом части земель, населенных малороссами, под власть Австрии [12, т. 1, с. 313–315]. Отголоски этой схемы можно встретить и в современной российской историографии⁸. Эти идеи легли в основу «украинского» национального мифа. Его складывание протекало с использованием архетипа так называемого богоборческого мифа, где героем выступает романтизированное казачество, а врагом – Россия. Воспевание героического прошлого казачества послужило основой для нового мифа, к которому прибавился миф в виде судьбы Т. Г. Шевченко [15, с. 414]. При этом прообразами национальной государственности стали рассматривать гетманство и Запорожскую Сечь, которые считались фундаментом для политического сепаратизма и притязаний на отделение.

Особенную активность М. С. Грушевский и его сторонники развили в языковой среде. В стремлении создать культурный барьер между Россией и Юго-западным краем М. С. Грушевский решил «обогащать» народный язык малороссов многочисленными заимствованиями из польского и немецкого языков. По свидетельству Н. С. Щеголева, «львовские новаторы приналегали на червонорусское наречие, а для выражения сложных и отвлеченных понятий черпали полной рукой из польского и (изредка) немецкого языков» [16, с. 99–100]. Искусственное развитие языка – процесс возможный, но мало результативный, так как язык практически не поддается воздействию волевых решений. И в Малороссии, невзирая на стремление М. С. Грушевского оснастить народный язык заимствованными из других языков терминами, он имел ограниченное культурное влияние. Эта «реформа» сопровождалась изменением в графике, чтобы «новый» язык меньше походил на литературный русский. По меткому выражению А. В. Стороженко, «новый» язык был подобен славянскому эсперанто: «в создании этого языка играли главную роль отнюдь не образовательные или культурные цели, но исключительно политические» [17, с. 178]. Стремление М. С. Грушевского и его сотрудников «достроить» украинский язык до литературного уровня воспринималось как проявление сепаратизма. Русские националистические круги в меру сил стре-

⁸ Авторы вышедшего недавно труда утверждают, что формирование украинского этноса, начавшись в XII–XIII вв., завершилось уже к XV в., а украинский язык возник в XIII в. (см.: Украинцы. М., 2000. С. 18).

мились противостоять попыткам новообразованной «украинской» элиты в создании симулякров с целью манипуляции сознанием не имевшей идентичности части общества.

В понимании этногенеза украинцев М. С. Грушевский стоял на позиции примордиализма (англ. *primordial* – изначальный, исконный). Суть ее в том, что современные нации рассматриваются как продолжение древних или средневековых этносов. Он понимал этногенез украинцев как предопределенный процесс, считая людей, населявших в XIV–XV вв. и ранее территорию нынешней Украины, украинцами [18, с. 166–167], которые уже в это время играли роль «первенствующего в Восточной Европе элемента» [13, с. 14]. Таким образом, была сформулирована парадигма особенного украинского развития, суть которой сводилась к следующему: 1) украинцы – особый этнос, тяготеющий по своей культуре к Европе, а не России; 2) пребывание в составе России – зло, с которым надо бороться, из чего вытекает основная цель – создание собственного государства. В концепции М. С. Грушевского судьба украинцев предстает трагичной – они попали «меж двух огней – ополячением и обрусением» [18, с. 485]. Возрождение украинской нации М. С. Грушевский видел на путях федерализации России, что с точки зрения имперского консервативного дискурса было абсолютно неприемлемо, так как нарушало имперский принцип неделимости России. Эти идеи легли в основу идеологии, которую русские националисты едко называли *мазепинством*.

Представители украинства исходили из того, что русское государство на протяжении веков подвергало население Малороссии насильственной русификации. Вопрос этот на самом деле сложнее, чем представляли (и представляют) его деятели украинского движения. Под русификацией понимают насильственное внедрение русского языка и русской культуры. Однако вряд ли можно говорить о русификации применительно к южным и западным окраинам империи, потому что малороссы наряду с великороссами и белорусами считались русскими, которые в русификации не нуждались и не подвергались дискриминации по национальному либо конфессиональному признаку. Скорее следует говорить об аккумуляции, которая, в отличие от ассимиляции, не ведет к потере национальной идентичности. Имперские власти не возражали против культивирования свойственных малороссам фольклорных и языковых особенностей при сохранении ими общерусской идентичности. Украинцы могли быть «русифицированы» только в одном смысле – в смысле освобождения их от влияния поляков. Поэтому политика имперского государства была, естественно, нацелена на усиление русских элементов в Юго-западном крае в противовес польским. Бывший высокопоставленный чиновник, долгое время работавший под руководством П. А. Столыпина, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, в эмиграции писал, что властям «приходилось стремиться к очищению русской национальной почвы от налета польской цивилизации, нанесенного в течение долголетнего политического господствования...» [19, с. 122].

На пути формирования русской идентичности стоял польский проект, утверждавший в малороссах польскую идентичность через культурное

и экономическое влияние. В начале XX в. русская нация находилась в процессе строительства и во многом существовала как идеал в сознании русских националистов. В начале XX в. в Малороссии русские националисты, и среди них Д. В. Скрынченко, столкнулись с группой образованных людей, стремившихся создать иную национальную идентичность. Но при этом их стремление к отделению от России Юго-западного края совпадало с интересами соседей империи – прежде всего Австро-Венгрии и Германии, не говоря уже об этнических поляках, издавна считавших земли Малороссии своими. Усиливаясь, украинский сепаратизм неизбежно способствовал усилению русского национализма.

Посмотрим, как выстраивал националистический дискурс Д. В. Скрынченко. Но перед этим следует сделать методологическое замечание. Poleмика с представителями украинства составляет основное содержание его публицистики в Киеве. Одним из ключевых положений националистического дискурса было признание этнического и исторического единства трех народов – великороссов, малороссов и белорусов. Эту позицию разделял Д. В. Скрынченко, при этом он признавал, что различия между тремя русскими народностями имеются, но они порождены «краевыми условиями», и различия эти, в конечном счете, должны сойти на нет. Поэтому обратную тенденцию, ведущую к усилению различий, он считал опасной, иронично говоря, что «появились новые дреговичи, древляне, северяне, которые по примеру отдаленного прошлого трудятся над тем, чтобы вызвать братоубийственную войну» [20, с. 2]. Эту тенденцию подпитывали, по его мнению, еврейская пресса, которая стремилась «повалить ненавистное самодержавное государство», и Австро-Венгрия, наследник которой Франц-Фердинанд хочет «сделаться киевским курфюрстом» [20]. Здесь же Д. В. Скрынченко отмечал губительное для государства влияние левой и либеральной прессы, которая поддерживала украинский сепаратизм, видя в нем лишь «этнографическую дымку» [22]. «Настало время, – заключал он, – когда нельзя уже отмахиваться от «украинского» вопроса и считать «украинство» «невинным» безобидным движением» [21, с. 2]. И если некоторые либералы по инерции продолжали отождествлять мазепинство и украинофильство, принимая последнее за этнографический романтизм, то националисты были настроены по отношению к нему весьма решительно. Интересно, что позиция Д. В. Скрынченко была изоморфна позиции М. С. Грушевского. Это был тот же примордиализм, в рамках которого первый утверждал, исходя из исторического опыта, что в древности никакой украинской нации не было, а была лишь русская, частью которой в дальнейшем стали малороссы. В целом русскими властями украинство воспринималось как течение беспочвенное, искусственное, изменническое, и в силу этого крайне опасное, потому что оно было нацелено на разрушение единства русской нации и государства, на то, чтобы «отобрать» тем самым часть национальной территории вместе с Киевом – «матерью городов русских» [22, с. 39].

Особенно болезненным в русском националистическом дискурсе был вопрос о либералах. У русских консерваторов не укладывалось в голове,

как можно не участвовать в защите интересов государства. В поле зрения Д. В. Скрынченко попал набиравший силу журнал «Украинская жизнь»⁹. Его политическую позицию Д. В. Скрынченко охарактеризовал как сепаратизм, на который должна последовать реакция властей, тем более что в нем сотрудничают лица, стоящие на государственной службе, которые просто обязаны разделять государственные убеждения. Д. В. Скрынченко назвал ряд профессоров (Ф. К. Волков, Ф. Е. Корш, А. Е. Крымский, И. В. Лучицкий, М. П. Чубинский, академик А. А. Шахматов¹⁰), которые сотрудничали в органах украинского движения. Их взгляды определялись позицией части интеллигенции, которая защиту национальных интересов и государства рассматривала как заведомое «черносотенство». «Кадетствующее чиновничество, – писал о таких А. И. Солженицын, – получает содержание от правительства и одновременно проявляет свою к нему оппозицию: состоит на государственной службе, а тайно агитирует или участвует в революционных группах, – иногда по сочувствию к ним, иногда от боязни мести» [23, с. 178]. Таких деятелей Д. В. Скрынченко называл Валленродами¹¹, которые питаются из Австрии, «не стесняясь при этом пользоваться и государственным содержанием, и льготными проездами в Петербург для демонстрирования своих противогосударственных стремлений» [24, с. 2].

Наконец, в русском националистическом дискурсе всегда уделялось значительное внимание основной фигуре украинского национального мифа – Т. Г. Шевченко. По замечанию Н. И. Ульянова, причина популярности крестьянского поэта среди украинствующих заключалась в том, что «он первый воскресил казачью ненависть к Москве и первый воспел казачьи времена как национальные» [25, с. 169], т.е. начал активно использовать историческое прошлое для обоснования претензий на отъединение. Шевченко был объявлен украинствующими «организатором украинской нации» [26, с. 321]. Еще в 1911 г., когда исполнилось 50 лет со дня смерти крестьянского поэта, украинское движение предприняло шаги, чтобы отметить эту дату, однако натолкнулось на сопротивление властей и русских националистических организаций. В 1912 г. в кругах украинствующих был создан комитет по сооружению памятника Т. Г. Шевченко. Особенно остро дискуссия о монументе разгорелась в 1914 г. в связи со столетием со

⁹ «Украинская жизнь» – ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал, выходил в Москве в 1912–1917 гг.

¹⁰ Чубинский Михаил Павлович (1871–1943), профессор, криминалист; Волков (Вовк) Федор Кондратьевич (1847–1918), археолог, этнограф, украинофил; Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), русский филолог, профессор классической филологии; Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), историк-востоковед, писал стихи и прозу на украинском языке; Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918), историк, профессор Киевского, затем Петербургского университета; Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), академик, лингвист, филолог-текстолог.

¹¹ Конрад Валленрод – герой одноименной исторической повести в стихах А. Мицкевича. В переносном смысле Валленрод – политик, наносящий своими действиями непоправимый урон своему государству.

дня рождения поэта. Киевский клуб националистов «отметил» дату кончины Т. Г. Шевченко собранием, на котором с докладом «Певец самостийной Украины» выступил один из лидеров Киевского клуба русских националистов А. И. Савенко, отметивший, что с общерусской точки зрения серьезно относиться к памяти Т. Г. Шевченко невозможно [5, с. 137].

В 1914 г. по инициативе Киевской городской думы началась подготовка к столетнему юбилею Т. Г. Шевченко. Отцы города предлагали поставить ему памятник и провести чествование. Киевский клуб националистов на общем собрании 11 января принял резолюцию, в которой в принципе признал законным желание сторонников поэта воздать ему должное. Но далее в резолюции отмечалось, что в Шевченко мазепинцы видят не только поэта, но прежде всего политика, врага единой и неделимой России. Они призвали «протестовать против попыток придать торжеству политический антироссийский характер» [5, с. 138]. Д. В. Скрынченко писал, что нельзя ставить «памятник человеку, который был таким ярким противником русской государственности» [27, с. 3]. Он признавал литературную значимость некоторых стихов поэта и называл их «восхитительными», но в то же время считал, что многие из них являются антигосударственными. В виде примера он привел два стиха Т. Шевченко – «Царь» и «Сон», в которых антирусские и антигосударственные мотивы были выражены вполне откровенно. В связи с тем, что комитет по установке памятника все же получил в 1914 г. разрешение на его установку, Д. В. Скрынченко выступил со статьей, проливавшей свет на жизнь и взгляды поэта. Она носила резко разоблачительный характер и акцентировала внимание на малограмотности Шевченко и в целом «вторичности» его поэзии [28, с. 2]. В конце концов киевские власти запретили официальное чествование крестьянского поэта, усилив тем самым к себе негативное отношение украинского движения. Министерство внутренних дел посоветовало губернаторам на местах избегать официального характера торжества. Кроме того, националисты буквально засыпали столицу протестными письмами и телеграммами, призывая власти запретить празднование юбилея [5, с. 139]. Несмотря на наличие комитета, до 1917 г. шансов поставить в Киеве памятник Шевченко, конечно, не было. Он был установлен только в 1939 г.

Уже во время войны Д. В. Скрынченко написал серию статей «Украинские подлоги», которые печатались в газете «Киев», а затем вышли отдельным изданием [29]. Его работа была ответом на статью члена Одесского окружного суда С. Шелухина «Украинцы, русские, малороссы» в журнале «Украинская жизнь»¹². Отметив, что «в нынешнюю войну украинцы сражаются за достоинство и целостность России», и согласившись с тем, что

¹² Шелухин Сергей (1864–1938) – украинский юрист, общественный деятель, поэт и журналист. Член Центральной Рады. В 1919 г. – член украинской делегации на мирных переговорах в Париже, с 1922 г. – профессор Украинского университета в Праге. Сторонник умеренного украинства В. В. Зеньковский охарактеризовал его как «невообразимого дилетанта, размашистого политикана, ужасно храброго в своих претензиях» (см.: *Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти* (15 мая – 19 октября 1918 г.) // *Воспоминания*. М., 1995. С. 57).

«Украина» – это уродливый польский термин», С. Шелухин в то же время настаивал на том, что слово Украина – древнее, так как оно употребляется в Ипатьевской летописи. С. Шелухин не разделял позицию радикального украинства, настаивая на том, что рост украинского национального самосознания не является угрозой для России, так как оно противостоит полякам [30, с. 68, 74]. Оппонент Д. В. Скрынченко полагал, что украинское начало является более русским, чем польским, и тот, кто «действительно дорожит общерусским, должен дорожить и украинским, заботиться об его развитии и процветании, а не об истреблении и уничтожении» [30, с. 70]. Вместе с тем С. Шелухин настаивал на древнем происхождении украинской нации и ее праве на существование вне России.

Ход мыслей С. Шелухина заставил Д. В. Скрынченко подробно рассмотреть употребление слова Украина в древнерусских летописях. Он показал, что оно употреблялось с XII в. «для обозначения области, находящейся у края, на пограничье Киевского государства» [29, с. 9]. В Ипатьевской летописи, по мнению Д. В. Скрынченко, слово «украина» является исключительно нарицательным именем. Топоним Украина употреблялся только в этом смысле и не включал в себя этнических признаков [29, с. 12]. Слово «украина» «принадлежит всему русскому народу, а не специально той ветви последнего, которая известна под именем малороссов», – писал Д. В. Скрынченко [29, с. 17]. Далее он привел ссылки на польские источники XVI в., в которых слово «украина» зафиксировано в значении пограничье, окраина. Так как южная Русь на протяжении длительного времени была включена в состав Польши и представлялась для поляков пограничной областью, то за этой территорией в русском языке закрепился термин «Украина» (окраина). По его мнению, причина подобной ситуации заключается в польском политическом влиянии и нежелании поляков отказаться от этих территорий [29, с. 21]. Замечу, что современное польское государство, невзирая на вхождение в НАТО, не отказалось от претензий на эти земли, входящие в состав Украины и частично Белоруссии. Д. В. Скрынченко рассматривал слово Украина как топоним, утвердившийся в политическом лексиконе XVI–XVII вв. Говоря о Малой и Великой Руси, Д. В. Скрынченко утверждал, что в понятии Малая Русь заключен этнографический признак, более ранний, чем понятие Украина, закрепленное поляками. «Название *Малая Русь*, – писал он, – означает племенное свойство народа и связывает последний с его предками, название же «Украина» отрывает народ от его духовной истории, от предков...» [29, с. 40].

Выстраивая нарратив, Д. В. Скрынченко ссылался на польские документы XVII в., в которых поляки население Украины все время называют русскими. Учитывая, что в позднем средневековье национальная идентичность выражалась через религиозную, можно понять, почему поляки православных малороссов называли русскими. Вместе с тем Д. В. Скрынченко отмечал, что в XVII в. южная Русь «была заметно полонизирована» [29, с. 31]. Попытки ослабить культурное влияние Польши в XVIII в. после ее разделов вызвало ответную реакцию польского писателя и путешественника

Я. Потоцкого (1761–1815), который одним из первых стал употреблять слово Украина как этноним, т.е. как «понятие собственное» [29, с. 31]. Стремление украинцев к национальной идентичности и независимости русскими националистами рассматривалось как стремление, инспирированное поляками. Поэтому, как считал Д. В. Скрынченко, «украинство», во всяком случае, является... *регрессивным движением*» [29, с. 36].

Польское влияние, которому поддалось дворянство Юго-западного края, «вовсе не создало особой этнографической народности; народ продолжал, при всех чуждых ему наслоениях в языке, оставаться русским, и *русское самосознание* никогда не прекращалось в его душе» [29, с. 33]. Позиция русских националистов в предвоенные годы была сложной, так как русский национализм не всегда выступал союзником империи, потому что государство исповедовало гражданский национализм французского образца, на основе которого нация рассматривается как сообщество граждан, а русские националисты (среди них Д. В. Скрынченко) утверждали культурный национализм, в рамках которого русская нация по сути дела включала в себя все остальные нации, признавалась главенствующей, но не господствующей. С точки зрения русских националистов быть русским означало быть православным и быть лояльным империи. То есть этническая идентичность в современном смысле слова во внимание не бралась.

Нарратив, в формировании которого участвовал Д. В. Скрынченко, был направлен против украинского национализма, на основе которого украинское движение стремилось к культурному сепаратизму, а далее – к политическому. В контексте исторических разысканий Д. В. Скрынченко лежала идея, согласно которой Украина собственной истории не имеет, историчность она обрела лишь будучи составной частью русского народа и Российской империи. Подобный подход исключал украинскую этническую идентичность в раннем и позднем Средневековье, а также в последующее время, но не исключал локальной, малороссийской.

Искусственность украинского движения, которую неоднократно подчеркивал Д. В. Скрынченко, определялась тем, что малороссы (как и белорусы) не испытывали национального гнета в России, не подвергались ограничениям (конфессиональным или этническим) и считались частью русского народа. Реально украинское национальное движение в Юго-западном крае оформилось политически лишь благодаря распаду России в 1917 г., а украинское национальное самосознание начало свой рост лишь в 20-х гг. XX в., когда проводилась так называемая украинизация (выражение М. С. Грушевского), выражавшаяся в искусственном насаждении украинского языка и создании национальной элиты [31]. В работе над конструированием нации русские националисты были ограничены временем – история отпустила его недостаточно, чтобы выполнить задачу по созданию нации. По большому счету этот процесс остается незавершенным и по сей день. Поэтому утверждение, что деятельность русских национальных сил до 1917 г. на западных окраинах потерпела неудачу, неверно – ведь на Украине наших дней бывшая Слобожанщина, Новороссия, Левобережье и Крым ориентированы на русскую идентичность, что не позволяет говорить

о существовании Украины как единого государства-нации. Это скорее квазигосударство, в основе которого лежит квазинация.

Антитезой украинскому национализму в Юго-западном крае русские националисты считали малороссийство. Последнее понималось как «сохранение своей культурной и языковой идентичности при признании доминирующей роли Москвы...» [32, с. 22]. В этом смысле пример подавал сам Д. В. Скрынченко. Как малоросс¹³ он сохранял локальную малороссийскую идентичность, входившую в общерусскую [33]. Усилия русских националистов сконструировать нацию были прерваны Первой мировой войной, а Февральская революция и последующие события поставили крест на русском национализме. Распад Советского Союза, продолжавшего в других обстоятельствах Российскую империю, остро поставил перед современной Россией вопрос о новом собирании земель, поскольку с России ответственность за судьбы народов, прежде входивших в состав империи, а затем Союза, никто не снимал. Речь, конечно, не идет о войнах за «исконные вотчины», но это означает, что территории, входившие в состав Российской империи и затем Советского Союза, являются, по меткому выражению В. Т. Третьякова, сферой канонического русского влияния. Поэтому изучение националистического нарратива как квинт-эссенции политического опыта недавнего прошлого представляется весьма актуальным.

¹³ Малороссийство его выражалось в глубокой любви к украинскому театру и фольклору: «Моим наслаждением, – вспоминал он в эмиграции о днях учебы в Воронеже, – было посещение опер, оперетт, *малороссийского театра, что я делал буквально каждый вечер...* (курсив мой. – В. К.). Малороссийский театр с его дивной песней и юмором просто зачаровывал меня» (см.: Скрынченко Д. В. Мои воспоминания / публ. и предисл. В. Б. Колмакова ; коммент. А. Н. Акиньшина и В. Б. Колмакова // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2004. Вып. 13. С. 170).

Литература

1. Сергеев С. М. Пришествие нации? Книга статей. – М., 2010.
2. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005.
3. Скрынченко Д. Национальное пробуждение и казенные перья // Минское слово. – 1909. – 8 дек. (№ 874).
4. Миллер А. И. Укратиофильство // Славяноведение. – 1998. – № 5.
5. Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М., 2003.
6. Царинный А. (Стороженко А. В.). Украинское движение : краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. – М., 1998.
7. Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, русское солнце взойдет // Украинский сепаратизм в России. – М., 1998.
8. Стороженко А. В. Малая Русь или Украина? // Украинский сепаратизм в России. – М., 1998.
9. Белинский В. Г. Русские народные сказки, статья III // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1954. – Т. V.

10. *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М., 1959.
11. *Драгоманов М. П.* Вольный союз : опыт украинской политико-социальной программы // Сборник политических сочинений. – Париж, 1906. – Т. 1.
12. *Грушевский М. С.* История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем : в 2 т. – Пг., 1916. – Т. 2.
13. *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. – Киев, 1990.
14. *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. – Київ, 1991.
15. *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии : работы последних лет. – М., 2005.
16. *Щеголев С. Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – Киев, 1912.
17. *Царинный А.* (Стороженко А. В.). Украинское движение : краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. – М., 1998.
18. *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история России. – М., 2001.
19. *Крыжановский С. Е.* Записки русского консерватора // Вопросы истории. – 1997. – № 4.
20. *Скрынченко Д.* «Безобидная этнографическая дымка» // Киевлянин. – 1913. – № 221.
21. *Скрынченко Д.* Культивирование злобы (II) // Киев. – 1914. – № 182.
22. *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000.
23. *Солженицын А. И.* Красное колесо. Узел I. Август четырнадцатого. – М., 1993. – Т. 2.
24. *Скрынченко Д.* Необходимость собирания Руси // Киев. – 1914. – № 3.
25. *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996.
26. *Щеголев С. Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма.
27. *Скрынченко Д.* Допустимо ли? // Киев. – 1914. – № 6.
28. Кто выдумал Шевченко? // Киев. – 1914. – № 31.
29. *Скрынченко Д. В.* «Украинцы». – Киев, 1916.
30. *Шелухин С.* Украинцы, русские, малороссы // Украинская жизнь. – 1916. – № 7/8.
31. *Борисёнок Е. Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. – М., 2006.
32. *Окара А. Н.* Беларусь в отсутствие «третьей альтернативы» // Национальные интересы. – 2001. – № 4.
33. *Скрынченко Д.* По поводу текущих событий // Минские епархиальные ведомости. – 1907. – № 12. – Ч. неоф. – С. 379.

Воронежский государственный университет

Колмаков В. Б., кандидат философских наук, доцент

E-mail: kolmakov@phipsy.usu.ru

Тел.: (4732) 52-56-63

Voronezh State University

Kolmakov V. B., Candidate of Philosophy, Associate Professor

E-mail: kolmakov@phipsy.vsu.ru

Tel.: (4732) 52-56-63